

Андрей Ильенков

Тринадцать

Байки

Толерасты

Дело было в редакции журнала «Урал». Журнал это толстый, литературно-художественный и публицистический, то есть большой стиль и славные страницы. Лестница с широкими деревянными перилами, кабинеты с гордыми табличками «Отдел поэзии», «Отдел прозы», «Главный редактор», все дела. Тут сиживали и хаживали Астафьев, Крапивин, Никонов, тут по стенам висят картины и рисунки уральских мастеров, тут все дышит славной историей Урала-батюшки. Сюда не только со всех концов нашей необъятной Родины, но также из-за рубежа идут письма разного содержания, приезжают делегации, а уж сколько навевается ходоков — инда одуреешь.

И вот очередная делегация зарубежных гостей. Это деятели культуры из объединенной Германии. Это прогрессивно настроенные, очень интеллигентные люди демократической ориентации, весьма политкорректные, вероятнее всего, какие-нибудь христианские демократы. Они не побоялись трудностей и русского мороза, и теперь происходит культурный обмен. Делегацию принимает тогдашний заместитель главного редактора, писатель Валерий Исхаков. Это тоже чрезвычайно интеллигентный человек, он проявляет традиционное русское гостеприимство, заваривает кофе и, попыхивая трубкой, ведет самые изысканные беседы. За окнами трещит мороз, а по комнате носится аромат свежесваренного кофе и хорошего табака, и под чуть слышный шум компьютеров течет из пустого в порожнее литературный процесс.

Тут-то и заскочил в редакцию Борис Рыжий с банкой «Левенбрау». Он очень весел, на нем распахнута дубленка, шапка набекрень, настроение самое залихватское, то, что называется «поручик Рыжий». Он всем улыбается и спешит в ту самую комнату, где происходит культурный обмен. Он залетает туда и, как обычно, выбросив руку в партийном приветствии, кричит «Хайль Гитлер!».

Писатель Исхаков запоздало жестикулирует, а христианские демократы, не веря своим ушам, медленно поворачивают головы в сторону вошедшего. Они видят энергичного молодого нациста с хищной усмешкой, шрамом на лице и, уж конечно, с баварским пивом. Они переглядываются между собой и с немой мольбой во взоре обращаются к Исхакову, чтобы тот как-то избавил их от чувства зловещего абсурда. Рыжий, кстати, заскочил чисто поздороваться и, увидев, что тут серьезный разговор, задерживаться не стал. Когда он вышел, началась длительная разъяснительная работа с нервными

Андрей Ильенков — родился в 1967 г. Кандидат филологических наук, лауреат премии им. П.П. Бажова за книгу стихов «Книжечка». Автор книг «Несгибаемая рота, или Сны полка», «Ещё о женщинах» и др. Живёт в Екатеринбурге.

иностранцами. Им объяснили, что в России вовсе не процветает неонацизм, что тем более он не имеет массы приверженцев в среде культурной элиты и творческой интеллигенции, что входивший молодой человек на самом деле пошутил, что просто у него очень веселый нрав, что он, кстати, вообще еврей. Последнего говорить, видимо, не стоило. Начавшие было успокаиваться немцы опять напряглись, потому что ладно бы еще какой-нибудь рязанский поэт-самоучка с загадочной славянской душой, но чтобы такое! В общем, скоро они ушли, и, кажется, у них остался осадок. Потому что не надо испытывать и без того робкую фантазию политкорректного христианского демократа.

Некриминальные элементы из цыганской среды

Все на свете покупатели знают о том, сколь отвратительно порой ведут себя продавцы. В свою очередь, продавцы тоже прекрасно осведомлены о том, насколько невыносимы многие покупатели. Поскольку сам я покупатель, то логично и естественно было бы мне рассказывать о мерзости продавцов. Но прикольнее рассказывать вещи нелогичные и противоестественные, и сейчас будет история о гадком покупателе. Тем более что я и сам через эту ее покупательскую мерзость несколько пострадал. Замерз, потому что дело происходило под открытым небом в ненастную погоду возле овощной палатки.

Я решил купить лука. А живу я на самом краю города, и то, что там какие-то лица южной национальности поставили овощную палатку, то это просто счастье. Вдруг невесть откуда появляется цыганка и становится передо мной. Она начинает покупать. Она такая ядреная цыганка, в меру упитанная и в самом расцвете бабьих сил, лет сорока пяти. Двадцать шелковых юбок, стоптанные сапоги и полный рот золота. А за прилавком этакий юный Аладдин — прекрасные черные очи, губки сердечком, и по-русски, видимо, знаем слов пятнадцать.

Она говорит:

— Два банана мне дай.

Он взвешивает, но цыганка замечает:

— Зачем мне такие дорогие даешь? Обмануть хочешь... Давай дешевые.

Он берет бананы подешевле, тычет пальцами в калькулятор и на ломаном русском называет цену. Цыганка презрительно смотрит на него и говорит:

— Два персика дай.

На весы кладутся два персика подешевле. Но он опять не угадал.

— Зачем такие плохие мне даешь? Всегда мне плохие даешь. Понаехали тут, всегда обманывать меня хочешь? Ой, удачи тебе не будет!

Продавец потеет, кладет персики получше и называет цену. Цыганка долго смотрит на него и говорит:

— Картошки дай килограмм.

Он пытается взвесить килограмм картошки. Картошка крупная, и всякий раз получается то кило двести, то девятьсот граммов. Цыганка на компромисс не идет, иронично наблюдает за его отчаянными попытками, не забывая комментировать их:

— Руки у тебя неправильно приросли. Чурка ты глупая. Горе тебе будет.

Наконец взвесился килограмм. Цыганка восклицает:

— Зачем, жулик, руку на весах держишь?

Он судорожно отдергивает обе руки. Стрелка стоит на месте. Цыганка говорит:

— У тебя весы неправильные. Думаешь, самый хитрый... Я сейчас дома все перевешаю. Я к тебе, мошенник, не одна приду. Слезы тебе будут.

Наконец покупка сделана. Цыганка задирает юбки и расстегивает сапог, за голенищем которого у нее пачка купюр разного достоинства. Она подает ему тысячную бумажку. Он начинает судорожно отсчитывать сдачу, именно такую, какая и бывает в овощных палатках: несколько мятых полтинников, а остальное — червонцы. Это, наконец, переполнило чашу женского терпения, и дальнейшую речь ее приводит непристойно, но смысл понятен: она дала ему хорошую монету, а он опять обманывает, сдает мелочью. Кончилось тем, что он бежит в соседний магазин разменивать. Только после этого цыганка успокоилась и пошла восвояси, присовокупив на прощанье:

— Будь ты проклят, и отец твой и мать, и братья и сестры.
Тут и я купил лука и тоже пошел домой.

Экспедиция

С одной прекрасной барышней выходим мы из редакции «Урала» и идем погулять. А она мало того что прекрасная, она еще и аспирантка-филолог из глубоко провинциального городка и поэтому тянется ко всему прекрасному и вообще к культуре, которой в Екатеринбурге по сравнению с ее родным городком просто завались. И я ее к этой культуре приобщаю, показывая разные исторические памятники и знакомя со всевозможными интересными людьми. И я таким образом тоже приобретаю в ее глазах авторитет и тем премного доволен, потому что ее хочу, и намерения у меня самые серьезные, то есть поселить ее в моей страшной избушке.

И вот на полпути от Хохрякова до Вайнера нам попадается Рудик Стерхов. Мы здороваемся, и он говорит, что я ему страшно нужен написать какие-то тексты к его блюзам и что созвонимся. Мы прощаемся, и барышня интересуется, что это за человек.

— У-у, брат! — восклицаю я и объясняю, что это Стерхов, некогда с Граховым основатели Свердловского рок-клуба. И я рассказываю про «Урфин Джюс», «Наутилус», «Чайф», «Кабинет», «Апрельский марш», Настю, Макса Ильина, Чичерину и так далее, вплоть до «Палестины» и «Лимонада». Барышня уважительно восхищается.

Мы идем дальше, возле библиотеки Белинского разглядываем памятник человеку-невидимке. Я только начинаю рассказывать про Касимова и Шабурова, как вдруг навстречу идут Женя Иванов с Сергеем Лаушкиным, и не просто так идут, а ташат картины Лаушкина. Мы здороваемся, разговариваем, рассматриваем холсты, причем глупая барышня, конечно, не понимает, где у изображения верх, а где низ, ей дружелюбно объясняют. Потом мы прощаемся. «Кто это?» — спрашивает моя подруга, и я рассказываю про Иванова, Лаушкина, а заодно про Гавриловых, Метелева, Воловича, Брусиловского, даже про Леню Баранова. Она в восхищении.

Затем мы переходим улицу и доходим до Розы Люксембург. А тут «Театрон», раскрашенное дерево, афиша с именами Коляды, Богаева, Колтышевой, и я мог бы говорить часами, но вдруг навстречу идет одна девица.

Я ее сразу узнаю, но это меня сейчас совсем не радует. Я говорю своей спутнице, что, мол, пойдем-ка свернем во двор «Театрона». Она удивляется, а я шепотом сообщаю, что потом расскажу. Мы сворачиваем, и тут до меня доходит, что та встречная девушка, поскольку то ли актриса, то ли студентка театрального института (точно не помню), возможно, именно в «Театрон» и идет. И я веду свою спутницу дальше, к помойке.

— А эта помойка чем знаменита? — интересуется барышня.

— Сейчас расскажу, — обещаю я, и мы становимся к улице задом, а к помойке передом. Помойка эта, думаю про себя, станет знаменитой с этого самого момента. А идущая навстречу девица вообще-то очень хорошенькая,

и я даже недавно объяснялся ей в любви и предлагал руку и сердце, но это я сгоряча, по правде говоря, спьяну, а сейчас она ну совсем некстати! И вот мы стоим, молча смотрим на помойку, и я думаю о том тексте, который мне предстоит произносить теперь. О той стороне культурной жизни Екатеринбургa, о которой ей знать еще рано, да и впоследствии будет ни к чему.

Ктулху фхтагн

Конечно, когда скапнулся развитой социализм, пострадали многие, но больше всего — топонимика. Относительно благозвучная Киргизская ССР превратилась в жуткопроизносимый Кыргызстан, не говоря уже о нашем родном городе, который сперва в шутку называли Ельцинском, а потом он официально вернул историческое название, красивое само по себе, но полуприличное при сокращенном произношении. Тоже улицы. «Малышева» — как-то запоминается, тем более что на ней и соответствующий памятник стоит, а вот исторического я до сих пор не могу запомнить. И тем более мне это не нравится, потому что некоторые улицы и впрямь стоило бы переименовать, так нет.

Простой пример. Сидим мы однажды в веселой компании, развлекаемся в меру своих способностей, и, правду сказать, не без выпивки. И вот одна хорошая девушка, узнав, что я живу в доме с печным отоплением, внезапно желает ехать туда и топить печку. Она настолько уверена в этом, что мы немедленно срываемся с места и едем. Ну, печь мы топить не стали, потому что было слишком поздно и в такси сильно закружилась голова, так что сразу уснули, и было ужасно холодно. А наутро та веселая компания кой-как просыпается и задается вопросом — как мы могли отпустить такую хорошую девушку с этим наголо обритым маньяком? А против правды не попрешь, я действительно тогда был наголо, включая брови, обритым маньяком. Стали вспоминать название улицы и пришли в ужас — что-то такое... резать? Рвать? Расчленять? А улица действительно называется Торфорезов. Это вам не Смазчиков-Сцепщиков! Хотели уже обращаться в милицию, но к этому времени мы вернулись, стуча зубами от холода, потому что и на улице как назло был мороз. Я и сейчас живу на этой улице.

Но это еще что. А вот однажды вечером я шел на свою Торфорезов через кладбище. А надобно вам знать, что в те годы я зачем-то запоем читал авторов наподобие Кинга, Страуба и Лавкрафта, смотрел нехорошие фильмы Хичкока и Кубрика и слушал глупые металлические группы. Я почти наизусть выучил бессмертную книгу Э. Успенского «Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы». От этого моя, и без того нервная, система дошла до ручки. А тут, понятно, кладбище, зловещий вой ветра, кто-то на могиле кость, урча, грызет, фото на памятниках типа подмигивают, сердце обмирает, все почти бегом. Уф-ф! Кажется, пронесло. Иду коротким путем, через огороды, мрачные склады и угрожающие заборы. И вдруг вижу — к сосне приколочен огромный квадрат жести, а на нем нарисована рука с окровавленным топором и отрубленная голова с замершим на лице ужасом. Все в крови, и надпись: «ОН ВЫБРОСИЛ ЗДЕСЬ МУСОР!!!» Я отшатываюсь, озираюсь по сторонам и на стене бесконечного сарая вижу табличку: «Ул. Шайтанская № 13». У меня захолонуло в груди, подкосились ножки, и я подумал — вот оно, допрыгался! Нет, я не думал, что сейчас на самом деле из небытия восстанет Ктулху, окруженный сонмом Древних, я просто решил, что крыша поехала окончательно и остаток жизни мне придется провести над гнездом кукушки. И мне это не понравилось. А оказалось, что такая улица существует в реальности. По сие время.

Свинья

А вот история от литератора-думстера Александра Зернова. Он раньше был бедным студентом, но еще не очень бедным по сравнению с некоторыми другими, которые просто нищенствовали. Вот три самых бедных и глупых студента, естественно, двоечники, живут себе и живут. Снимают на троих избу у одного алкоголика, мирного, но тоже очень бедного, который оставил себе только лежанку на печи. Причем снимают не за деньги, а за то, чтобы они топили печь. Дров, естественно, не предусмотрено. Вот они ползают по городу, собирают разные ящики, фанеру, картон, старую обувь, может быть, ходят в лес за хворостом, топят печь и за это живут. Но плохо. Один из них периодически выезжает в родную деревню и привозит оттуда картошку и варенье, в остальное же время питаются они в основном бутербродами с солью. И вот один из студентов, который чуть поумнее, говорит, что вот хорошо бы привезти из деревни маленькую хрюшку, вырастить из нее жирную грязную свинью, а потом заколоть, и жить станет настолько лучше и веселее, что просто никакого сравнения.

И вот через какое-то время хрюшка доставлена, точнее, кабанчик. Он пока еще очень худенький и чистенький, беспокойно стучит копытцами по избе и вынюхивает съестное. Что ж, надо кабанчика откармливать. Сначала они откармливали его картофельными очистками, потом отдали вылизывать банки из-под варенья, а дальше честно, хотя и не очень охотно, делились бутербродами с солью.

Кабанчик рос не по дням, а по часам, правда, не в ширину, напротив, у него проступили ребра, но зато в длину и высоту. Он стал достаточно высок, чтобы вставать на задние ноги и съесть весь хлеб со стола. Также он съел свечи, мыло, зубную пасту и принял за конспекты лекций. Стали закрывать все это в шкаф, но кабанчик быстро научился его открывать. Пришлось ценные материалы подвесить на веревочку, но они и не представляли, насколько высоко эта скотина может прыгать. Тогда веревку укоротили до такой степени, что самим приходилось вставать на стул. Это помогло, но вскоре у кабана появилась новая скверная привычка: он прятался под кроватью, а когда люди садились за стол, пулей оттуда выскакивал и на лету сглатывал бутерброд, подносимый студентом ко рту. Теперь, возвращаясь домой, они сначала ужинали на улице и уже только после этого заходили в избу.

После того, как кабан бросился и укусил одного из студентов за ногу, его пришлось перевести в пустовавшую собачью конуру и посадить на цепь. Через какое-то время зверь стал покрываться жестким черным волосом и смотрел на своих хозяев очень зло, так что они только издали кидали ему корки, которые он проглатывал в подскоке. Он продолжал расти в длину и высоту и, несмотря на скудный паек, понемногу набирался сил. Хозяйка, отрывая от себя последний кусок, извели на грубое животное не менее десяти булок хлеба. К счастью для студентов, когда зверь перегрыз ржавую цепь, он не стал поджидать их в кустах, а сиганул через покосившийся забор к ближайшей помойке, где и наелся до отвала. Потом его видели в стае бродячих собак.

Бдительность

Двух девочек долго, вплоть до восьми лет, учили, чтобы они ни в коем случае не брали никогда конфет у посторонних дядей. А также и у тетей незнакомых не брали, потому что тети могут оказаться воровками. Ну и научили.

И вот однажды сидят они дома одни. И никакому незнакомому человеку дверь не отпирают, как глупые семеро козлят. И даже несмотря на то, что он

уже давно звонит в дверь. И даже уверяет, что никакой он не незнакомый, а совсем наоборот. Что очень знакомый и даже родной, что он их родственник дядя Ваня, только что с поезда. Но проверить это было невозможно. В двери имелся глазок, но девочки до него не дотягивались.

Когда младшей сестренке, Нюре, надоели дянины возгласы, она обратилась к старшей сестренке Наде и предположила — а вдруг это правда дядя Ваня? Надя скептически усмехнулась, а все ж таки призадумалась. А дядя Ваня за дверью продолжал скрестись и взывать. Надя еще подумала и сказала: «Вот что, Нюра: давай-ка его испытаем». Нюра сказала: «Давай».

Нюра спросила через дверь: «Тогда скажите, как нас с Надей зовут?» Дядя немедленно ответил: «Вас зовут Надя и Нюра». Нюра удивилась и говорит: «Смотри, Надя, он знает! Наверное, это дядя Ваня». Надя подумала и вскрикнула: «Дуры мы, дуры! Мы же только что сами друг друга по именам назвали, вот он и подслушал!» Нюра тоже подумала и на ухо Наде шепчет: «А вот сейчас я узнаю, хороший это человек или хулиган». А потом спрашивает через дверь: «А вы на какой сигнал светофора улицу переходите?» Дядя немедленно отвечает: «На зеленый!» Нюра говорит Наде: «На зеленый он переходит». Надя подумала и сказала: «Притворяется! А вот я сейчас точно узнаю, дядя Ваня это или нет». И спрашивает: «А скажите-ка тогда, какая столица у Франции?» Дядя отвечает: «Париж!» Надя засмеялась, захлопала в ладоши и говорит Нюре: «Ну вот и видно, что никакошенький это не дядя Ваня! Мама же, помнишь, говорила, что дядя Ваня — пьяница и дурак. А этот умный. Значит, не дядя Ваня».

Дядя за дверью немедленно заорал: «Слушай, ты, Надя! То, что столица Франции Париж, каждый дурак знает!» Нюра спрашивает: «А вы пьяный?» Дядя кричит: «Пьяный, пьяный!» Надя подумала и требует: «А вот дыхните-ка в замочную скважину!» Дядя же, по счастью, на вокзале действительно выпил рюмочку-другую в буфете. Он дыхнул. Надя понюхала и говорит Нюре: «Действительно пьяный». Нюра добавляет: «И дурак. Может, пустим?» Надя говорит через дверь: «А вы тогда станьте под окно, мы на вас посмотрим». Дядя вышел из подъезда и стал под окном. Девочки подбежали к окну и стали смотреть. Надя встала на табуретку и кричит в форточку: «А вот и обманываете, что с поезда! А где же тогда ваши вещи?» Дядя отвечает: «Да я их возле вашей двери оставил!» Надя кричит: «Стойте на месте, мы проверим». Нюра сбегала, посмотрела в скважину и подтвердила, что есть чемодан.

Тогда девочки наконец поверили. Да что толку? Все равно родители их закрыли на ключ снаружи, и изнутри открыть дверь было нельзя. Впрочем, через несколько часов родители вернулись и впустили дядю.

Тимуровец и его команда

Жил да был один мужик. В советское еще время. Шутник был еще тот. Но и строгий тоже, не без того.

Вот один раз он слышит какой-то шум за дверью. Детские голоса и тому подобное безобразие. Открывает он дверь — а там на лестничной площадке какие-то пионеры подозрительно притихли. Он их строго так спрашивает: «Вы тут что делаете? Воровать пришли, стекла бить, почтовые ящики поджигать? Хрена ль вам тут надо?»

Дети переглядываются, а самая смелая пионерка отвечает: «Что вы! Наоборот, мы — тимуровцы. Мы соседке вашей по площадке решили помочь. Она же вдова фронтовика. Вот, хлеба купили».

Мужик говорит: «А, тимуровцы! Это правильно. Мочите давайте!»

И дверь закрыл. А тимуровцы повесили на соседкину дверь авоську с батоном, позвонили в дверь и убежали. А мужику любопытно, он в глазок

наблюдает. Соседка дверь открыла, вышла. Посмотрела-посмотрела на этот батон, покачала головой и обратно зашла. Взять, видно, не решилась. Вдруг какой-нибудь отравленный. Старушка подозрительная была. А мужик наш в глазок смотрит и думает: «Вот дура-то! Ну да я-то не дурак!» Вышел и батон прихватил.

На другой день слышит — опять шумят. Он к глазку. Смотрит — опять батон повесили. Ну пока старуха до двери тащилась, он — шмыг за дверь и обратно. Вот лафа мужику — второй день хлеб покупать не надо!

На третий день выходит он из подъезда — а там знакомая компания тимуровцев. Он им говорит: «Салют, компаньерос! А вы, ребята, молодцы, что не забываете ветеранов. Только что вы ей все хлеб да хлеб таскаете? Она что же, по-вашему, хлебом единым должна питаться?» Призадумались тимуровцы — а ведь и верно... Спрашивают: «А чего бы тогда еще ей можно принести?» Мужик отвечает: «Ну, там, не знаю... Консервов можно. Сыра. Огурчиков соленых. Колбаски...»

Пионеры согласились, стали провизию поразнообразнее на дверь старушке вешать. Мужик их знай похваливает, иной раз подсказывает, что принести.

А накануне 9 Мая мужик пионерам говорит: «Завтра праздник, так вы бы, знаете, ветеранке бутылочку поднесли. Пусть выпьет старушка фронтовые сто грамм, вспомнит боевых павших друзей, все дела. Пионеры говорят: «Вот здорово вы придумали! Только ведь нам спиртное не продадут...» Дядя говорит: «Так уж и быть, пострелята! Давайте деньги, сам куплю». Купил, отдал им. Они бутылку в пакет, и продуктовый набор праздничный тоже. Хорошо пошло вечерком...

И понравилась мужику это дело. В другой раз сообщил ребятам, что у старушки день рождения. Потом — что дата героической гибели супруга. И все ничего, все сходило ему с рук. Но жадность фраера сгубила...

Однажды по секрету сообщил он тимуровцам, что старушка-то — того... если сказать правду, злоупотребляет... Так что можно ей и почаще выпивку носить. Сказал и ушел домой. Вероятно, довольно потирая руки в предвкушении. Но напрасно...

Самая смелая пионерка оказалась и самой принципиальной. Она поставила вопрос о том что: а нельзя ли найти другую старушку? Или старичка. Тоже героического фронтовика, но не пьяницу. Неужели нельзя найти в огромном городе? Да легко!

И нашли довольно скоро...

Постмодернисты

Двое молодых, но уже достаточно известных уральских литераторов однажды поехали на какое-то такое мероприятие. Типа писательского семинара или чего-то подобного, в точности не скажу. Только там была куча писателей, и жили они все вместе — не то в гостинице, не то в пансионате каком-то, что ли. А что касается наших друзей, то они, повторяю, были тогда совсем молодые, но уже известные. Молодостью их, вероятно, и можно объяснить некоторую тягу к озорству. А их известность не позволяет мне назвать настоящие имена и фамилии, да оно и неважно.

В общем, они приезжают, и подседают к ним в номер еще одно лицо, а именно одного провинциального, но подающего надежды поэта. Поэт был еще более молод, и потому они, как люди более опытные, смотрели на него несколько свысока, хотя и доброжелательно.

Но только этот молодой поэт постепенно стал утомлять их. Он говорил громкие слова навряд того, что, когда создается великое стихотворение, то

содрогаются небеса, говорил о великой ответственности автора за время и пространство и тому подобный пиитический дискурс. Мало того, он нашел какого-то литератора из соседней комнаты, стал приглашать его на рюмку чаю, и они вдвоем били в груди, а наши героини смотрели на этот литературно-героический процесс без энтузиазма. Оба были совершенно прожженными постмодернистами и ни в какое Высокое Предназначение Поэта и Поэзии не верили, не говоря уже о категории авторства вообще.

И как-то между прочим они говорят этому поэту, что его новый приятель как-то не того... Вроде бы не совсем удобно с ним общаться... Поэт заинтересовался.

— Да ты понимаешь, — говорят они, — он парень ничего, мы к нему очень хорошо относимся. Только странный он. Ты вот, может быть, не в курсе, а ведь он с женщинами спит.

Молодой поэт совершенно обескуражен такой новостью и говорит, что и он спит с женщинами!

Постмодернисты переглядываются и по-дружески объясняют поэту суть проблемы. Ну да, конечно. Разве мы против женщин? Мы и сами частенько спим с женщинами, это все нормально. Но понимаешь ли, этот-то парень — он спит только с женщинами. Всегда и исключительно — только с женщинами! Как тебе это? Нет, конечно, это его личное дело, мало ли у кого какие отклонения, нам не жалко. Но ведь мало ли что... В том смысле, что от такого странного субъекта можно ожидать чего угодно. Вот он сидит, сидит, а потом бросится с ножом и зарежет. Пойди угадай, что такому извращенцу может взбрести в голову! В общем-то мы не хотим сказать про него ничего плохого, но просто ты не знал, так вот мы предупреждаем: спит исключительно с женщинами. Им трудно было удерживаться от смеха, видя лицо поэта, но они удержались.

Молодой поэт вышел из номера, глубоко потрясенный услышанным. Он, оказывается, ничего не знал о нравах знаменитых литераторов. Он даже с некоторым содроганием подумал о себе: ведь он тоже — только и исключительно. Слава Богу, еще не ляпнул этого в разговоре со знаменитостями! Оставшиеся дни был он тих и задумчив, а они по-прежнему удерживали смех и ничем себя не выдали.

Поединок

Однажды поссорились два драматурга. Они до этого очень дружили, все время разговаривали о театре, так что даже противно было. Стоят на лестнице, курят и про театр разговаривают. Проходит час, другой — а они все там. Подойдешь, бывало, слушаешь, плюнешь да и прочь пойдешь. И так целыми днями.

Ну однажды и договорились они. Поссорились вдрызг. Видеть друг друга не могут, каждый в сторону врага плюется — да прямо физически, слюной! Каждый мне про другого разные гадости рассказывает. Несколько раз почти до драки доходило.

Тут-то меня и осенило. Говорю я им (естественно, каждому по отдельности): «Друзья мои! Постыдитесь! Вы же писатели! Инженеры человеческих душ! Соль земли Русской! Сердцеведы и душелюбы! Как же так?! Нет, уж коли вышел такой принципиальный идейный конфликт — бейтесь же на дуэли!»

И разворачиваю перед ними преимущества поединка. Это, во-первых, окончательно радикальное решение конфликта. Во-вторых, это благородно и поднимет их в глазах общественности. Я говорю: «Прикиньте, остолопы! И сами прославитесь, и всем докажете, что русский писатель по-прежнему человек чести. И дуэль будет не из-за дамы, а по идейным соображениям!

До такого сам Пушкин не додумался!» Глазки, смотрю, загорелись. Ага, думаю, сообразили, поросята, какие пиаровские выси и дали перед вами разворачиваются!

Решили, что оружие будет холодным. Это и несравненно шикарнее, и достать его легче. В магазинах подарков этого добра видимо-невидимо. Мечи, сабли, шпаги, рапиры, палаши, ятаганы, кинжалы там всякие, и доспехи, и даже железные пояса верности. Вот пришли мы с одним из врагов в магазин и выбираем. Он как пояс верности увидел, так и загорелся: «О! Этому подонку мы купим пояс верности. Причем женский! А мне — топор, и я его буду рубить, рубить, рубить!» Насилу я его успокоил, от витрины оттащил, объяснил, что так нельзя, нехорошо, что оружие у противников должно быть одинаковое. Это я взял на себя

На другой день намечено было много: надо найти секундантов, договориться об оружии и известить СМИ. И пока я думал, как организовать информационную кампанию, ко мне по очереди, украдкой друг от друга, подошли оба противника с двумя вопросами каждый. Интересовало их — будет ли дуэль предполагать смертельный исход? Я говорю: «А то как же? Все как положено — до тяжелого ранения». Это обоих удовлетворяло. Второй вопрос был поделикатней. Каждому хотелось бы, чтобы — ну, допустим, не погиб, но получил тяжелое ранение именно он. А противник был бы заклеямен общественностью как новый Дантес. Я говорю: «Ну уж это как судьба распорядится...» Это их, похоже, не очень удовлетворяло. Каждый хотел, чтобы писателем был только он, а противником — какой-нибудь офицер. Лучше всего — чтобы милиционер, чтобы как бы поединок художника и жандарма. Но ситуация складывалась двусмысленная, и эти подонки не придумали ничего лучше, как помириться. Сказал я им тогда стгоряча, что о них обоих думаю, в очень резких выражениях. Думал — может, на дуэль вызовут — да куда там... Презренные трусы!

Мережковский

Вот раз сижу я на работе в редакции, что называется, работаю. И, как время от времени это бывает, поражаюсь: какая же у меня все-таки интеллигентная работа! Сплошь одни писатели кругом! Каждый день приходят писатели, как поодиночке, так и целыми делегациями. И не только такие писатели, которых каждый дурак знает, а и такие, которых знают только в узком кругу тонких ценителей. И даже такие, которых никто не знает. И даже такие, которых никто никогда знать не будет. Со всеми новинками литературы тут поневоле знакомишься, инда одуреешь. И разговоры тоже очень интеллигентные.

Вот намедни тоже приходит один писатель. Точнее, поэт. Ну совершенно никомушеньки не известный! Хотя лет ему много. Наверное, семьдесят. А может, и все восемьдесят. И заводит он со мной этакий утонченно-изысканный богемный разговор.

Он сначала вежливо здоровается, потом интеллигентно покашливает и заводит разговор о русской литературе Серебряного века. Он спрашивает меня:

— А что, Мережковский-то, кажется, ведь еврей?

А я-таки с жизнью и творчеством Д.С. Мережковского более или менее знаком. Я светски улыбаюсь и отвечаю:

— Вы знаете, я, конечно, не берусь категорически утверждать, но, насколько мне известно, нет. И даже трудно поверить, чтобы он был евреем. Его отец, как вам, вероятно, известно, был крупным петербургским чиновником, а ведь в те времена...

Тут я замялся, не зная, как политкорректно высказать простое положение, что в Российской Империи евреи редко бывали крупными петербургскими чиновниками.

Но поэт задумчиво покачал плешивой головой и потом решительно возражает:

— А по-моему, так он еврей. Уж мне ли евреев не знать! Я их повидал на своем веку, за версту чую. Я как на него поглядел, так с первого взгляда понял — еврей! И манера разговора такая, как бы сказать, чисто еврейская.

Я пораженно спрашиваю:

— Как, вы с ним разговаривали?!

Дед запросто так отвечает:

— Разговаривал, а то как же! Я ему свои стихи принес. А он прочитал — и вижу, нос воротит. И нет чтобы так попросту и ответить — давай чего-то хитрить, крутить, чисто еврей. И что-то в лице тоже такое есть.

Я думаю: когда же это он с Мережковским встречался? До революции-то едва ли. Потому что даже если ему восемьдесят лет, да хоть сто, все равно не мог он тогда стихи писать. Неужели же в эмиграции? Так ведь это очень было непросто для советского человека в те времена. Неужто же он в сталинские времена во Франции был? Дипломат, что ли, бывший?

И, очень заинтересованный таким оборотом дела, я спрашиваю: «А давно это было? В каком году?»

Дед отвечает: «В каком году?! Да, ептыть, вот только что! Вон там, по коридору направо!»

Тут до меня наконец доперло: «А-а! Так это вы не с Мережковским разговаривали. Это Мережников, Николай Яковлевич, наш редактор отдела поэзии».

Дед говорит: «А-а, Мережников... Это я перепутал, значит, малость. А Мережников-то ваш что, еврей?»

Ну тут мне уже неинтересно стало разговаривать. Я отвечаю: «Мережников еврей? Ну, не знаю, впервые такое слышу. Вы уж извините, у меня тут работы много».

Меломания величия

По поводу противопоставления нравов наших и западных всегда писалось много, и зачастую мнения прямо противоположные. Я к массовой информации всегда относился с большой осторожностью и больше доверял собственным впечатлениям. Или, на худой конец, рассказам непосредственных очевидцев. И недавно один очевидец, так называемый Костя Богомолов, на тему нравов рассказал.

Жил тут у нас один литератор-постмодернист, Курицын фамилия, потом эмигрировал в Москву. Однажды у меня дома он скопил глаз на новый виниловый диск («Рэйдио сайленс» БГ) и сказал: «Да, провальный альбом». Я кинулся было защищать БГ, однако Курицын сказал, что очень уважает этого автора, но альбомчик-то получился провальным. И я тогда удивился: мало ему, что постмодернист, так он еще и меломан!

А тут Богомолов намеренно подтверждает, что да, Курицын — меломан, да еще какой! Что он беспрестанно ходит по всевозможным филармониям и с огромным удовольствием прослушивает различные фортепьянные дуэты и струнные квартеты. А уж если дело доходит до большого симфонического оркестра, то тут прямо беда. Он закрывает глаза и начинает махать головой в такт музыкальной партии, иногда притоптывать ногами, а в самых патетических местах, не в силах сдержаться, порой размахивает руками и даже вполголоса подпевает. Что, конечно, свидетельствует о яркости и живости

его музыкального восприятия, но окружающих филармонических старушек шокирует. И вызывает нарекания. И даже иногда к нему подходят пожилые сотрудницы филармонии и что-то такое вполголоса говорят.

И вот Курицын попадает на Запад. Кажется, в Кельн. И зададим риторический вопрос: куда же он идет — паяться на стриптиз или, предположим, играть на бирже? Конечно же, нет, конечно же, он направляется прямиком в тамошнюю филармонию. И, помня, что тут ведь Запад и всякая такая политкорректность, он уже целиком и полностью отдается во власть музыкальной гармонии. Он раскрепощается и окрыляется. (Тем более что сидит он на заднем ряду и как бы никому не мешает.) Курицын гармонично размахивает разными частями тела, поет, потом, не в силах удержать себя, вскакивает и начинает кружиться в огненном танце...

В перерыве к нему подходят. И не какая-нибудь, как у нас, старушка-билетерша, а группа крепких молодых людей в строгих костюмах. Курицын предчувствует серьезный разговор на плохо знакомом ему языке. И молодые люди говорят примерно следующее: «Извините, пожалуйста, но мы обязаны предупредить. Дело в том, что по замыслу автора во втором отделении концерта несколько музыкантов будут играть в задней части зала, за спинами зрителей. То есть непосредственно за спиной у вас. Однако вы, дорогой мистер, настолько впечатлительны, что у администрации возникли сомнения — стоит ли? Не станет ли это слишком сильным музыкальным впечатлением для вас и не причинит ли вам беспокойства?»

Курицын с облегчением вздохнул, повеселел, и ничего, разрешил играть сзади. А случись такое в России, боюсь, не разрешил бы.

Паранормальные явления

Один раз так называемый Костя Богомоллов приехал к нам с Надеждой Колтышевой на дачу в Гать. А тут места отличные, воздушные места. С одной стороны света лесистые горы, с другой — болотистые равнины, с третьей — речка Исеть, с четвертой — Черный Лес, с пятой — железная дорога. И со всех сторон бесконечное множество лягушек, ящериц и змей. И возле Черного Леса угрюмый двухэтажный особняк, на верхнем этаже которого живет безумная девица, богатая наследница. А еще один безумный юноша стоит на остановке и машет руками вслед всем проходящим электричкам. А больше там никто и не живет.

А так называемый Костя Богомоллов этого ничего не знал. Он только где-то читал, что в окрестностях Гати натуралисты наблюдали паранормальные деревья, вот он и приехал подивиться на них. Ну и заодно прогуляться, вообще закусить на свежем воздухе, потому как воздушные, повторяю, места.

Вот мы трое приезжаем и садимся на свежий воздух вообще закусить. Закусили, потом взяли с собой корзинку с кой-каким дорожным провиантом, чтобы закусить, скажем, на еще более свежем воздухе, когда устанем, промокнем и озябнем, и отправились искать эти паранормальные деревья.

Идем мы себе, идем. Миновали замок безумной наследницы, углубились в Черный Лес. Обнаружили паранормальные грибы рогатики, которые Надежда Колтышева вообще отказалась считать грибами, а гость наш тоже ничего про такие не слыхал. Тем не менее набрали. Забрались на поросший диким мохом утес, нависающий над Исетью, и там, уставшие, промокшие и озябшие, вообще закусили. Паранормальных деревьев нигде не обнаружили. Вернулись на дачу и стали закусывать. Вскоре стемнело.

А только видим мы, что скоро электричка в город, причем последняя. И вот тут начались паранормальные явления. Тут мы заторопились и уже совсем было собрались, как она вдруг подъезжает на пять минут раньше. Обычно наоборот, она опаздывает. От дачи до остановки буквально пять минут ходьбы, одна минута бега. Но и стоянка, что характерно, тоже одна минута. И вот мы бежим.

Шустрый Богомоллов, конечно, мчится впереди, как быстроногий Ахиллес. А за ним летит Надежда Колтышева, тоже довольно легконогая особа. А уж я последний несусь этак основательно, хозяйственно, по ходу запирая все двери и калитки. А темно, как у Христа за пазухой, да еще дорога под горку, смотреть по сторонам некогда. И вот, добежав до платформы, я слышу гудок локомотива. Лишь тогда поднимаю глаза от земли и вижу тронувшуюся электричку. Двери закрываются автоматически, а последней дверью последнего вагона автоматически зажат ноутбук, за который держится так называемый Костя Богомоллов и борзо бежит за электричкой, а отпускать ноутбук не желает.

Его можно понять. Ноутбук-то жалко. Хоть он и не свой, а Надежды Колтышевой, которой он галантно предложил помощь. То есть вроде бы и не жалко, зато несколько неудобно получается. А электричка разгоняется. А Костя тоже разгоняется! Ну, потом отпустил ноутбук, конечно. И то сказать: жизнь дороже, да и устал он бежать со скоростью электрички.

Я так думаю: добежал он, значит, а эта хреновина сработала, а он и сунь ей в дверь ноутбук. Наверде как в дверь лифта, которая после подобного сования бесперечь открывается обратно, и лифт останавливается. Но электричка не лифт. Она уехала.

Мы удивились и стали гадать, что же будет дальше с прибором и с нами. С прибором, впрочем, все более или менее понятно: при следующем открывании он упадет и либо разобьется, либо нет. Если разобьется, то все понятно. Если же нет, то дальнейшее зависит от того, куда он упадет: внутрь вагона или наружу. Если внутрь, то его сопрут пассажиры либо персонал. Если наружу — то опять-таки пассажиры либо население станции.

Вот мы идем по направлению к Шувакишу и это обсуждаем. При чем идем для чего-то очень быстро. Я интересуюсь — а куда спешим-то? До города пешком часа два, да еще впотьмах. А Колтышева отвечает, что впотьмах-то он, может, упал наружу и никто его не заметил, а мы подберем. Я говорю: все равно спешить некуда, до рассвета далеко. Но она спешит и спешит. Точнее, все мы спешим. Ну и между делом закусываем из фляжки.

Вот постепенно через полчаса добегаем мы до Шувакиша. Что за черт? Стоит на путях электричка. Та самая. Абсурд? Конечно, абсурд. Там стоянка — одна минута. Однако мы, ничтоже сумняшеся, забираемся в последний вагон и сразу видим контролеров. И сразу интересуемся. И они отвечают, что да, действительно, был зажат в дверях подозрительный предмет, и они на всякий случай отнесли его машинисту в первый вагон. От греха подальше. А сами на всякий пожарный сидели в последнем.

Мы пошли к машинисту, и он охотно отдал нам искомое. И через пять минут мы отправились и благополучно доехали до города. Ну, конечно, пошли в бистро обсудить случившееся. Я спрашиваю Колтышеву, откуда же она могла знать, что состав задержится на полчаса? Она говорит: я не знала, я просто чувствовала, что надо спешить. Я говорю: мистика. А довольный так называемый Костя Богомоллов говорит: ничего удивительного, со мной еще не такие паранормальные явления случались. Закусили мы напоследок и пошли по домам.

Коллеги

Вот типичные сценки из жизни толстого литературного журнала.

Звонят, предположим, из британского культурного центра или из Союза кинематографистов. А лучше, если приходят. Так, предположим, приходят некие культурные британцы или продвинутые кинематографисты и спрашивают господина Богомолова. Вариант — мистера Богомолова. А его нет. Он так рано не приходит.

А сидит там в кабинете какой-то сослуживец, очень занятой и озабоченный, но притом отменно вежливый. И этот сослуживец им отвечает, что, вы знаете, его, к сожалению, сейчас нет. Вероятно, он будет немного позже. Он обычно приходит позже. Он сейчас, скорее всего, еще на вокзале. «На вокзале?» — удивляются гости. Ну да, отвечает коллега, поправляя очки. Он с утра обыкновенно едет на железнодорожный вокзал и торгует там клубникой. «Торгует клубникой?» — изумленно переглядываются гости. Ну да, объясняет коллега. Вы знаете, у нас ведь в журнале очень маленькая зарплата. А у Богомолова ведь есть дача, и у него там растет прекрасная клубника. Поэтому летом он всегда с утра едет с этой клубникой на вокзал. Она действительно очень хорошая, крупная, сладкая, ее обычно расхватывают у него за пару часов, и после этого он едет в редакцию. Так что если хотите, то подождите его там, в коридорчике. Или поезжайте на вокзал.

На другой день Богомолов на месте. Снова приходят гости и спрашивают, правда ли, что он торгует клубникой. «Клубникой? Кто вам сказал?» — недоумевает Богомолов. Они указывают на сослуживца, который прячется за монитор. «А-а!» — говорит Богомолов. Нет, он ошибся. Да, было как-то раз, но не клубникой, а грибами. Я продавал мухоморы, а ему показалось, что это клубника. Он ведь очень спешил на электричку. У нас ведь, знаете ли, очень маленькая зарплата, вот он и подрабатывает на электричках. Он обычно заходит в вагон и говорит: «Мир вам, добрые люди! Я — всемирно известный драматург Олег Богаев, лауреат Антибукеровской и множества других российских и зарубежных премий. Мои пьесы идут в театрах многих стран мира. И сейчас я прочитаю вам самые смешные отрывки из моих комедий». Читает, потом обходит вагон с бейсболкой. Кто деньгами дает, кто сигаретку ему бросит или пирожок. Так весь состав пройдет, потом обратно электричкой до города, тоже с моноспектаклем. А потом идет в редакцию».

Не знаю, как на такие вещи реагируют высокие гости, а я не удивляюсь. Я уже давно привык к тому, что многие уральские писатели — большие чудачки. Вот одна моя знакомая пошла вечером в оперный театр. А через час шлет SMS-сообщение: «ТУТ В ОРКЕСТРОВОЙ ЯМЕ БОГАЕВ СИДИТ НА ТРУБЕ ИГРАЕТ. У НЕГО Ж ТВОРЧЕСКИЙ ДЕНЬ СЕГОДНЯ». А что касается Богомолова, то другой знакомый рассказывал про него еще похлеще: «Ложусь спать, слышу — за окном какой-то шум. Я шторы отдернул — Богомолов! Лезет в форточку, прямо физически лезет! У меня аж сердце заболело! Я ему говорю: «Костя, как же тебе не стыдно! Ты же член Союза кинематографистов, заведующий отделом критики!» Он устыдился, вниз полез».

Вот чудачки эти писатели, верно?